

Сергеев, В.Н. Индивидуальное и конвенциональное в исторической ситуации: некоторые аспекты взаимодействия. / В.Н. Сергеев // XXI век: актуальные проблемы исторической науки: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию ист.фак. БГУ. Минск, 15-16 апр. 2004 г. / редкол.: В.Н. Сидорцов (отв.ред.) и др. – Мн.: БГУ, 2004. – С. 312-314.

В. Н. СЕРГЕЕВ
Республика Беларусь, г. Минск

ИНДИВИДУАЛЬНОЕ И КОНВЕНЦИОНАЛЬНОЕ В ИСТОРИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Проблема, затрагиваемая в данной публикации, не изучалась исторической наукой систематически, хотя в том или ином виде фигурировала, в первую очередь при построении разнообразных объяснительных схем истории. Это касается, в частности, поднятых в указанной связи проблем движущих сил истории, роли субъекта в истории и ряда других. Ту же картину можно наблюдать и в случае перехода исследовательской активности от универсального рассмотрения исторической действительности на конкретно-исторический уровень. В любом из указанных случаев сложность постановки вопроса о

312

соотношении и взаимодействии индивидуального и конвенционального в исторической ситуации заключается, по мнению автора, прежде всего в отсутствии в арсенале исторической науки подходящего методологического аппарата, позволяющего идентифицировать проблему и полноценно ее исследовать.

Современная междисциплинарность исторической мысли и всего гуманитарного знания дает, однако, шанс разрешить подобные сложности за счет привлечения методов смежных наук, и прежде всего лингвистики.

Интегрирующей же основой для подобного междисциплинарного взаимодействия способна стать набирающая вес в социально-гуманитарной сфере синергетика.

Решение поставленной задачи предполагает постановку в рамках данной публикации двух ключевых вопросов:

1. Какого рода конвенции содержит в себе любая историческая ситуация, отражаемая в историческом источнике?

2. Какие методологические возможности дает рассмотрение соотношения индивидуальной и конвенциональной составляющих ситуации как взаимодействия сложных иерархических систем?

При ответе на первый вопрос представляется целесообразным отождествить понятия исторической и коммуникативной ситуации. Методологически подобный шаг представляется оправданным, поскольку не противоречит ни одному из образующих свойств исторической науки, а именно теснейшей корреляции исторической действительности, моделируемой исторической наукой, и совокупностью текстовых исторических источников, служащих основой для подобной деятельности.

Согласно одному из определений, под конвенцией понимается «регулярность в действиях (или в действиях и убеждениях), причем включенными в эту регулярность должны быть минимум два человека» [1, 168]. Указанное определение лишнее раз подчеркивает коммуникативный характер любого речевого акта, причем независимо от того, контактируют ли адресат и адресант непосредственно. Осуществление речевого акта априори связано с соблюдением целого набора языковых конвенций, которые обусловлены как самим фактом речевой деятельности, так и использованием речи с определенной в конкретной ситуации целью. В последнем случае наблюдается четкая

зависимость между языковыми конвенциями и значением, а также иллокутивной силой высказывания (если речевой акт является иллокутивным) [4, 90, 100].

Описанный тип конвенций следует отличать от многочисленных социальных процедурных конвенций, отсылка к которым базируется на стремлении субъекта своим актом высказывания «способствовать ходу (или влиять на ход) данной процедуры одним из имеющихся альтернативных способов» [6, 147].

В рамках исследования исторической ситуации представляется необходимым рассматривать оба типа конвенциональности.

Суть второго из поставленных вопросов заключается в том, обладает ли набор конвенций, пронизывающих историческую ситуацию и бытие автора источника, характеристиками, позволяющими отнести его к числу сложных иерархических систем. К числу последних несомненно относится сфера индивидуального, т. е. вся совокупность интенций личности, ментальность, когнитивные структуры и т. д.

Для автора публикации очевидно, что набор конвенций, фигурирующий в любом речевом акте, в полной мере обладает и структурной, и функциональной сложностью. Это означает, что система конвенций обладает, во-первых, «достаточным числом взаимодействующих субъединиц» [2, 16] (структурная сложность) и, во-вторых, является длительной в плане собственной эволюционной истории [3, 48] (функциональная сложность). Как следствие сложности для указанной системы характерны все соответствующие атрибуты: неравновесность, обратные связи, переходные явления и т. п.

313

Кроме того, система конвенций с очевидностью является иерархической, т. е. представляет собой «ансамбль взаимодействующих частей, который состоит из последовательности вложенных одна в другую взаимодействующих субъединиц» [2, 9].

В основе взаимодействия индивидуального и конвенционального в исторической ситуации, представляющих собой сложные иерархические системы, лежит, таким образом, игровой принцип. Он заключается во взаимном стимулировании, стремлении смоделировать друг друга, предсказывать поведение и управлять друг другом. Это означает, что к исследованию намеченной в данной публикации проблемы в полной мере применимы элементы т. н. теории игр, являющейся составной частью синергетического подхода.

Исследование исторической действительности в описанной плоскости является во многом новым и достаточно перспективным с точки зрения возможных результатов направлением междисциплинарных исследований.

1. Дэвидсон Д. Общение и конвенциональность // Философия, логика, язык. М., 1987.
2. Николис Дж. Динамика иерархических систем. Эволюционное представление. М., 1989.
3. Николис Т., Пригожин И. Познание сложного. М., 1990.
4. Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М., 1986.
5. Серль Дж. Р. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М., 1986.
6. Стросон П. Ф. Намерение и конвенция в речевых актах // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М., 1986.